

Интервью с А.С. Комаровым о 25-летию Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», о 60-летию Нью-Йоркской конвенции, о судьбах арбитража в России и не только об этом

<https://doi.org/10.32875/icar.2018.1.17>

В 2018 г. исполняется 25 лет с момента принятия в РФ Закона «О международном коммерческом арбитраже», основанного на Типовом законе ЮНСИТРАЛ 1985 г. А.С. Комаров — единственный сегодня активно вовлеченный в арбитраж специалист, который принимал деятельное участие в процессе разработки данного Закона. В своем интервью он рассказывает о неизвестных и интересных моментах, связанных с принятием этого Закона. Кроме того, он делится своими мыслями о Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, которой в 2018 г. исполнилось 60 лет. Он также дает подробные критические оценки третейской реформе в РФ, результаты которой оказались, к сожалению, для российского общества отрицательными. Наконец, А.С. Комаров предлагает свой взгляд на различные философские вопросы арбитража, рассказывает о месте российского арбитража в современном мире, о том, какие профессиональными и человеческими качествами нужно обладать, чтобы успешно заниматься арбитражем.

Ключевые слова: Закон РФ 1993 г. «О международном коммерческом арбитраже»; Типовой закон ЮНСИТРАЛ 1985 г.; Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.; арбитражная реформа в РФ; философские вопросы арбитража; место российского арбитража в современном мире; профессиональные и человеческие качества арбитра.

Библиографическое описание: Интервью с А.С. Комаровым о 25-летию Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», о 60-летию Нью-Йоркской конвенции, о судьбах арбитража в России и не только об этом // Вестник международного коммерческого арбитража. 2018. № 1(16). С. 17–49. <https://doi.org/10.32875/icar.2018.1.17>

Interview with A.S. Komarov about the 25th Anniversary of the Law of the Russian Federation “On International Commercial Arbitration,” the 60th Anniversary of the New York Convention, the Destiny of Arbitration in Russia and More

2018 marks the 25th anniversary of the adoption in the Russian Federation of the Law “On International Commercial Arbitration” based on the UNCITRAL Model Law (1985). Aleksander Sergeevich Komarov is the only specialist nowadays actively involved in arbitration who took significant part in the process of drafting the Law. In this interview he talks about unknown and interesting moments related to the adoption of the Law. Additionally, he shares his thoughts about the New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards which celebrates its 60th anniversary in 2018. He also gives a detailed critique of the arbitration reform in the Russian Federation leading, regretfully, to a negative result for Russian society. Finally, Mr. Komarov speaks out on various philosophical issues for arbitration, discusses the place of Russian arbitration in the modern world, and the professional and personal qualities that a person should have to practice arbitration successfully.

Keywords: Law of the Russian Federation (1993) “On the International Commercial Arbitration”; UNCITRAL Model Law (1985); New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (1958); arbitration reform in the Russian Federation; philosophical issues of arbitration; place of Russian arbitration in the modern world; professional and personal qualities of an arbitrator.

Recommended citation: *Interv’yu s A.S. Komarovym o 25-letii Zakona RF “O mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe,” o 60-letii N’yu-Yorkskoy konventsii, o sud’bakh arbitrazha v Rossii i ne tol’ko ob yetom [Interview with A.S. Komarov about the 25th Anniversary of the Law of the Russian Federation “On International Commercial Arbitration,” the 60th Anniversary of the New York Convention, the Destiny of Arbitration in Russia and More], 2018(1) Int’l Com. Arb. Rev. 17. <https://doi.org/10.32875/icar.2018.1.17>*

Александр Сергеевич, 14 августа 1993 г. был введен в действие Закон «О международном коммерческом арбитраже». Прошла уже четверть века с этого момента. Юбилей.

Вы – единственный сегодня активно вовлеченный в арбитраж специалист, который принимал деятельное участие в процессе принятия данного Закона. Спасибо Вам за готовность рассказать о том, как это было. И первый вопрос: какие именно организации сыграли ключевую роль в его инициировании и продвижении в Верховном Совете?

Да, 25 лет прошло с принятия Закона о МКА, а было это 7 июля. Он оказался, по сути, одним из последних законов, принятых Верховным Советом РСФСР. Ведь ВС ушел как раз в июле на каникулы и больше не собирался, потому что в сентябре 1993 г. случились печальные события: штурм Белого дома и все прочее. Потом в декабре уже была принята новая Конституция, и жизнь началась иная. Если говорить о том, какие организации сыграли роль, то это в первую очередь Торгово-промышленная палата РФ в лице ее арбитражных учреждений. Если персонально, то Сергей Николаевич Лебедев и Владимир Сергеевич Поздняков – люди, возглавившие эту работу. А началась она еще ранее, где-то с 1990 г., когда был поднят вопрос о принятии данного Закона.

Да, нельзя не вспомнить их добрыми словами в связи с таким большим делом, но и не только их, конечно.

И именно с 1990 г. началось, не ранее?

Если говорить о более-менее серьезной постановке вопроса, то да. Еще в советское время соответствующий зондаж начался, потому что Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже был принят в 1985 г. И какое-то время все раскачивались. Закон типовой, а значит, нужно было, чтобы кто-то уже принял его, дабы аргументировать этим перед нашим руководством. Короче говоря, активная работа началась в начале 90-х годов, и уже тексты подготавливались. Я еще хотел сказать, что, конечно, серьезная поддержка была со стороны Министерства внешних экономических связей, потому что оно было заинтересовано в этом. Более того, участие наших специалистов в работе ЮНСИТРАЛ над проектом Типового закона начиналось по линии именно Министерства внешней торговли СССР, оно посылало туда делегации экспертов.

Сергей Николаевич Лебедев был одним из активных участников Рабочей группы ЮНСИТРАЛ по Типовому закону. И потом, когда он уже был принят, первые несколько лет имело значение то, кто его уже имплементировал, чтобы можно было сослаться на это.

И надо сказать, что и Министерство было в этом деле заинтересовано, и Торгово-промышленная палата в лице прежде всего индивидуально Сергея Николаевича и Владимира Сергеевича. Работа сначала шла, как это часто бывало, спокойно, потому что думали как пассажиры на эскалаторе: если встанешь на него, он обязательно тебя довезет. Она активизировалась после событий в конце 1991 — начале 1992 г. в связи с тем, что была образована Торгово-промышленная палата Российской Федерации, и возник вопрос, кто же будет заниматься арбитражем, ведь все действовавшие до того времени положения ссылались на ТПП СССР, на Арбитражный суд при ТПП СССР и МАК при ТПП СССР.

И поэтому, когда произошли известные события (я имею в виду прекращение СССР), Торгово-промышленной палате РФ нужно было как-то себя утверждать и показывать свою деятельность, а одним из важных моментов было проведение международного арбитража, потому что в ту пору существовали тысячи, если не больше, контрактов, в которых была ссылка на арбитраж при Торгово-промышленной палате СССР. И тогда возник этот первый вопрос о том, действуют ли такие арбитражные оговорки. Ведь уже тогда, в 1992 г., я знаю, возникали ситуации, когда западные партнеры, по сути, игнорировали существующие арбитражные оговорки, ссылаясь на то, что такого арбитражного центра уже нет, и пытались начать рассмотрение споров в государственных судах. Поэтому вопрос был достаточно актуальным и острым, ведь в те времена еще подавляющий объем внешнеэкономических операций касался той среды, в которой возникали вопросы, связанные с арбитражем, и относился к деятельности государственных внешнеторговых объединений, которые находились в большинстве своем «под крышей» Министерства внешних экономических связей.

И еще один фактор, который сыграл тоже, по-моему, серьезную роль: президентом Торгово-промышленной палаты Российской Федерации стал Станислав Алексеевич Смирнов, депутат и, более того, близкий соратник Президента Российской Федерации Ельцина Бориса Николаевича. После путча в 1991 г. он стал одним из его близких соратников и был членом Президиума Верховного Совета РСФСР. Но в ту пору все еще происходило в рамках прежней Конституции. И С.А. Смирнов, став президентом ТПП РФ, был, естественно, заинтересован в том, чтобы укрепить положение Палаты во всех отношениях. И тогда одновременно начал готовиться проект закона о торгово-промышленных палатах, причем все понимали, что здесь очень большое значение имеет и закон о международном арбитраже. И поэтому благодаря такому субъективному моменту работа проходила достаточно

энергично – вплоть до того, что данный проект попал уже на рассмотрение в Верховный Совет. В те времена, с одной стороны, это было сделать сложнее, с другой стороны, проще, ведь благодаря Смирнову многие формальности не играли такой уж большой роли.

Так что два проекта законов шли сразу одновременно: о торгово-промышленных палатах (а там тоже было указано, что ТПП организывает международный арбитраж), но самое главное, что уже были наработки насчет международного коммерческого арбитража. И поэтому все шло достаточно быстро вплоть до его принятия. То есть он прошел в соответствии с той конституционной законодательной процедурой, которая была предусмотрена, через все комиссии и, как я сказал, стал одним из последних законов, которые были приняты Верховным Советом. Я считаю это, конечно, для него удачным стечением обстоятельств, потому что если бы такой Закон не приняли в тех условиях, а уже в соответствии с новой Конституцией и т.п. через Государственную Думу, то, думаю, вряд ли бы он был в числе тех первоочередных документов, которые рассматривались тогда в Государственной Думе.

Если Вы помните, в ту пору какие только законодательные идеи ни выдвигались, но все они были политизированы, и прежде всего это касалось установления нового порядка и т.п. Соответственно, вряд ли бы удалось убедить людей, работавших там (в основном это были политики, преследовавшие свои достаточно узкие, я бы сказал, цели), что такой вопрос, который носит принципиальный, но специализированный характер, очень важен. Никто не думал тогда о подобных аспектах. И в этом смысле принятие Закона было не иначе как счастливым случаем, который помог нам одним махом оказаться в числе тех стран, которые приняли принципы и стандарты, сформулированные на международном уровне.

А у этого законопроекта противники были?

Нет, я не помню, чтобы кто-то выступал против него. Среди специалистов (а тогда круг специалистов, которые были связаны с международным арбитражем, был очень узким; сейчас он шире, но ненамного) ни у кого не возникало сомнений в том, что надо принимать такой Закон. И опять же думали, что он сыграет, безусловно, позитивную роль, потому что внешняя торговля в то время развивалась достаточно интенсивно, хотя тогда еще в целом и в рамках государственной монополии. Но после того, как в 1992 г., по сути, государственная монополия отпала, этот вопрос стал еще более актуальным. И в Арбитражном суде при ТПП, который впоследствии стал называться Международным коммерческим арбитражным судом, резко возросло количество споров. Почему? Потому что резко, я бы сказал, обвально увеличилось количество внешнеторговых контрактов, которые стали заключаться уже непосредственно промышленными предприятиями. И можно сказать, что был, наверное, в какой-то степени даже некоторый хаос, потому что, получив право выхода на рынок, все стремились использовать его, и подавляющее число сотрудников, работников этих предприятий и организаций не имели необходимого опыта, так что было достаточно много ошибок и злоупотреблений. Чего уж там, мы ведь говорим о 90-х – времени, когда действительно во многом все шло очень хаотично, и находились люди, которые ловили рыбку в этой мутной воде.

А Министерство и в 1993-м продолжало поддерживать, несмотря на то что оно уже переформатировалось?

Я, честно говоря, сейчас не помню точно, но, по-моему, несмотря на то что Министерство стало федеральным, российским, в основном там остались те же специалисты, включая юристов.

Кроме высшего руководства.

Высшее руководство, конечно, сменилось. Но оно в тот момент доверяло правовой службе — я помню, я достаточно тесный контакт поддерживал с ней в то время, поскольку участвовал в работе ЮНСИТРАЛ. И, помнится, те, кто возглавлял в то время Договорно-правовое управление, были людьми, так сказать, старой школы, которые привыкли доверять специалистам, которые знали, что если, например, документ подготовлен в рамках ЮНСИТРАЛ, тем более с нашим участием, то он заслуживает того, чтобы к нему присоединиться. Хотя я сейчас точно не помню, по-моему, формально Министерство вносило законопроект...

Не Палата? У нее же было тогда право законодательной инициативы?

Сейчас данный момент я не очень хорошо помню, потому что это не имело принципиального значения: оба ведомства действовали сообща. Но в любом случае я сейчас вспоминаю, что, когда мы представляли этот документ в законодательной комиссии уже в Верховном Совете, там не было официальных представителей Министерства. То есть мы фактически были от Торгово-промышленной палаты — руководители ее арбитражных учреждений: Сергей Николаевич Лебедев, Владимир Сергеевич Поздняков и я. Но в данном случае Министерство официально одобрило этот законопроект. И дело в том, что все шло через Президиум Верховного Совета, а там С.А. Смирнов поддерживал данную инициативу.

Высшее руководство Министерства, молодые реформаторы в этом процессе никак не проявлялись?

Нет, у них были иные заботы. В то время начальником Главного договорно-правового управления был Анатолий Сергеевич Мартынов, мы с ним однокашники — очень тесный контакт. И он сам очень хорошо все знал, был специалистом высокого класса и все, что мог, делал с этой точки зрения. И высшее руководство, реформаторы, надо отдать должное, слушали его. И когда он вносил соответствующие предложения, с их стороны никаких не было возражений, все шло не скажу, что как по маслу, но без каких-то проблем со стороны Министерства.

Но если не было противников, то и больших дискуссий не было? В целом консенсус был?

Нет, практически никаких серьезных дискуссий не было. Такого, как сейчас, — общественных обсуждений или чего-то подобного, — насколько я помню, не было. Хотя в достаточно узком кругу в Торгово-промышленной палате специалисты, работавшие в арбитражных органах, обсуждали данный вопрос. Но все настолько доверяли тому, что этот проект разработан в рамках ЮНСИТРАЛ и, более того, одним из самых активных участников его разработки был Сергей Николаевич Лебедев, что ни у кого, я еще раз повторяю, из небольшого числа специалистов не возникало сомнений.

Надо, конечно, отдать должное и представителям Министерства, потому что в работе над Типовым законом участвовали представители его Договорно-правового управления, т.е. все было согласовано, и этим делом занимались специалисты, те, кто хорошо его знал. И я еще раз повторяю, авторитет Сергея Николаевича был здесь непререкаем, так что не было необходимости открывать какие-то критические обсуждения этого документа. Ведь, я повторяю, сам факт, что это был документ, принятый в рамках Организации Объединенных Наций и с рекомендацией Генеральной Ассамблеи о том, чтобы данный Закон использовался при формировании соответствующих национальных законов, — все это было настолько серьезным убедительным аргументом, что не возникало необходимости обсуждать его. А потом, Вы не забывайте, что до того у нас никакого закона не было — у нас были разрозненные акты, и к тому же соответствующие поло-

жения, которые определяли статус Внешнеторговой арбитражной комиссии и Морской арбитражной комиссии, восходили еще к 30-м годам, хотя потом их и немного меняли. Поэтому перспектива принятия единого Закона воспринималась очень положительно. И самое главное, я повторяю, круг специалистов был достаточно узок, и был почти полный консенсус относительно того, что там было сформулировано.

А у депутатов формулировки Закона не вызывали вопросов?

Когда мы проходили через эту комиссию, то серьезных замечаний или предложений по существу не было.

Наверное, они не понимали, о чем идет речь?

Я это и хотел сказать. Почему? Потому что это было настолько специальный вопрос, что депутаты, которые принимали участие в заседаниях комиссии, просто не могли бы по существу что-либо сказать иное. Были, конечно, некоторые вопросы, но они были настолько, я бы сказал, некомпетентными с точки зрения содержания, т.е. они проистекали из совершенно других соображений.

Не помните, какие это были вопросы?

Я помню, во время обсуждения один из депутатов — он был достаточно в то время известен, потому что, по-моему, был рабочим...

Шандыбин Василий Иванович?

Да, Шандыбин. Он был от Коммунистической партии. Я помню, он задал вопрос. И он говорил, что вся эта система не соответствует тому, что у нас в стране сложилось, что это все создает благоприятные условия для развития капитализма. И вопрос у него был — я не помню, как точно сформулирован, но смысл такой: «Как данный Закон регулирует вопросы защиты прав трудящихся?» Это чисто политический вопрос. И ответ на него был такой, что подобные проблемы не регулируются этим Законом.

Кстати, само по себе даже название Закона вызывало вопросы, опять же — по идеологическим соображениям...

«Коммерческий».

Да, коммерческий арбитраж. Уже это, я еще раз говорю, как бы указывало, что он предназначен для регламентации рыночных отношений. А не забывайте: это был 1993 г. — тогда было больше разговоров о том, что нас спасет внедрение рыночной экономики. И левые депутаты как раз везде, где только можно, подчеркивали, что все это ведет нас не в том направлении. То же самое, что и немножко позже, уже в Думе, когда рассматривали проект части первой Гражданского кодекса. Вы помните, что тогда единственной, по-моему, фракцией, не поддержавшей часть первую Кодекса, которая принималась в 1994 г., была фракция Коммунистической партии. И депутаты выступали довольно остро относительно того, что этот Кодекс, по сути, создает преимущества для капиталистического способа производства и завоевания трудящихся, которые были достигнуты на протяжении многих десятилетий, сводятся к нулю.

Но кроме таких словесных придинок со стороны коммунистов дело дальше не шло?

Нет, нет. Я еще раз говорю, с профессиональной точки зрения был, по сути, консенсус, потому что все понимали, что это благо, что это хорошо. Опять же, я еще раз повторяю, та-

ких специалистов было немного. Ведь кто в те времена занимался арбитражем? Юристы, связанные с внешнеторговой деятельностью. А все они были сосредоточены во всесоюзных внешнеторговых организациях, число которых в СССР составляло не больше сотни. И потому, я повторяю еще раз, авторитет и Сергея Николаевича Лебедева, и Владимира Сергеевича Позднякова, чьи имена олицетворяли теорию и практику международного арбитража у нас в стране, не вызывал сомнения — они пользовались непререкаемым авторитетом.

А депутаты не могли путать международный коммерческий арбитраж с госарбитражем?

Нет. Я думаю, что здесь сами депутаты как раз не путали. Но вот многие юристы, которые каким-то образом оказывались сопричастными, как раз задавали вопрос, что это такое. Ведь для юристов, занимавшихся внутренними делами, арбитраж всегда означал только одно — государственный арбитраж, и поэтому, когда здесь говорилось о международном арбитраже, они автоматически переносили на него свое ранее сложившееся понимание государственного арбитража. Тем более что, если вы помните, в 1992 г. было принято Постановление о третейских судах, которые могли рассматривать внутренние хозяйственные споры.

Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров.

Временное положение, да. Но это Временное положение предусматривало такие правила, которые были несовместимы с обычным понятием третейского суда, уже не говоря о том, что главное преимущество последнего — окончательность его решения по существу — там отрицалось: Положение предусматривало возможность оспаривать решение третейского суда не только по процессуальным основаниям, но и по существу.

При нарушении законодательства.

Не только при нарушении — там еще было написано: можно оспаривать, если неправильно было применено право или неправильно оценены материалы. То есть, по сути, так же как и в любой судебной процедуре, можно было оспорить решение по широкому кругу оснований. И еще долго потом многие годы российские юристы, которые занимались только внутренними спорами, до конца не могли усвоить принципиальные отличия, характерные для правовой природы третейского суда. И, как я сказал, если возникали какие-то не решенные в законе вопросы, они переносили понятия государственного арбитражного суда на то, что происходило в сфере международного арбитража.

Кроме того (мы, по-моему, с Вами как-то обсуждали), с самого начала специалисты считали, что использование термина «арбитражный суд» в отношении государственных судов было неудачным. И, более того, как я помню, в первоначальных проектах, разработанных еще в советский период, которые предполагали реформу государственного арбитража и его превращение в судебный орган, было написано, что это будут хозяйственные суды, т.е. предусматривалось создание системы хозяйственных судов. Слово «арбитраж» там не использовалось, потому что это готовили грамотные люди, и в данном случае все, казалось бы, было сначала правильно.

Но тут сыграла роль случайность. И если для Закона о МКА это был счастливый случай, то здесь не очень. Я помню, как смотрел телерепортаж об обсуждении проекта закона о реформе госарбитража. Калмыков Юрий Хамзатович, который был в то время председателем Комитета Верховного Совета СССР по законодательству, а позднее — министром юстиции Российской Федерации, докладывал на заседании Верховного Совета СССР этот проект, а в прениях выступил Анатолий Собчак. Помимо того, что он был доктором юри-

дических наук, он пользовался очень большой популярностью в Верховном Совете СССР, всегда говорил красиво, снискал авторитет, а ВС в то время во многом состоял из тех людей, которые не были профессиональными деятелями и при принятии законопроектов руководствовались принципом «одобрямс», хотя это и был первый Верховный Совет СССР, созданный в условиях «перестройки» на базе более-менее свободных выборов.

А Собчак выступил с возражениями, что называть такие суды хозяйственными нельзя, потому что это, по сути, будет означать возврат к концепции хозяйственного права, которое отрицает свободную экономику, и все прочее. Он сказал: «Почему бы их не назвать „арбитражные суды“, раз они должны заменить государственный арбитраж?» Никто, к сожалению, не возразил, и не было тех, кто мог бы сказать, что это приведет к путанице с подлинным арбитражем, включая международный.

Но тогда международный коммерческий арбитраж успешно работал, никаких проблем с пониманием его природы и правовых особенностей у специалистов не было. И надо еще помнить, что в те времена государственный арбитраж вообще никакого отношения не имел к внешнеэкономическим сделкам, поэтому вопроса о коллизии для специалистов вообще не возникало. Но спасибо надо сказать Собчаку за то, что было изменено его название, которое так и закрепилось за государственными судами, что также было отражено в новой Конституции РФ.

И самое главное, что руководство Высшего Арбитражного Суда тоже очень долго не осознавало возникшую проблему. И я помню, как они мне говорили: «Но как же – Конституция ведь закрепляет это название за нами. И если менять название, то что – Конституцию менять?» Хотя потом мне уже Марк Моисеевич Богуславский рассказывал сам лично про случай на конференции в Западной Германии. Это был сентябрь 1993 г., и я не смог поехать на ту конференцию из-за известных событий. Честно говоря, мне не очень хотелось, и время было неподходящее. А Богуславский был там в то время, и один из руководителей ВАС должен был сделать доклад о коммерческих арбитражных судах. И в названии его доклада по-немецки действительно были указаны именно «арбитражные суды» («Schiedsgerichte»). И народ был готов слушать о том, как у нас регулируется арбитраж, тем более что уже в России был принят Закон о МКА, и, соответственно, все ждали информацию о нем. А он, естественно, стал рассказывать о том, что он хорошо знал, а именно о государственных арбитражных судах.

Я со слов Богуславского рассказываю. Он говорил, что по завершении доклада из аудитории народ с недоумением спрашивал: «Что же это у вас за арбитраж такой, который, по сути, жестко зарегламентирован?» И только тогда докладчик понял, в чем проблема. Богуславский мне рассказывал, что уже ему пришлось еще дополнительно выступить и сказать, что есть у нас арбитраж, который возглавляет господин Комаров (поскольку я был приглашен и там числился), а это – иной арбитраж. В данном случае не надо путать. Он мне так рассказывал. Не знаю, было ли так на самом деле.

Может, ВАС после этого начал так ревниво относиться к арбитражу? Шучу, конечно.

Я думаю, его толкали к неверному отношению к арбитражу отдельные известные лица изнутри, которые, почувствовав вкус к международным спорам, стали пробивать эти неправильные идеи.

И они пользовались, к сожалению, очень большим авторитетом у Вениамина Федоровича Яковлева. Более того, я помню, как на одном из заседаний в те времена я выступил с критикой таких идей. Они готовили какой-то документ, связанный с этим, и я сказал, что это не соответствует международным стандартам и все прочее, т.е. критиковал предложенный подход. И он, я помню, потом в ответ говорил, что он доверяет в этом отно-

шении специалистам ВАС. Тогда я тоже понял, что для него все-таки последняя инстанция здесь — это они. И это тоже, к сожалению, сыграло свою роль: в судебной практике неверный подход приводил к неверным решениям.

А я Вам не рассказывал, как в документах о присоединении России к ВТО перевели термин «арбитражные суды», имея в виду государственные суды? Знаете?

Нет, как?

Его перевели как «arbitration tribunals». Перепутали.

Естественно. То же самое — был большой скандал в Австрии. Может, Вы слышали об этом. Когда было одно решение, вынесенное Арбитражным судом города Москвы (истец — российское предприятие, выигравшее дело против австрийцев), которое надо было исполнять в Австрии. Но по Нью-Йоркской конвенции в суде решение надо перевести на язык суда. И они перевели название суда как «Schiedsgericht», т.е. «третейский суд». И, соответственно, было вынесено судебное решение о принудительном исполнении представленного решения государственного арбитражного суда на основании Нью-Йоркской конвенции. Только в апелляционной инстанции удалось показать, что это не арбитражный суд, не третейский суд, а государственный. И тогда только отменили такое решение. И я помню, спустя несколько лет наша делегация была в Австрии, и нас обслуживали там две женщины-переводчицы, которые нам как раз тоже рассказывали об этой истории: «Мы теперь знаем очень точно. Любой переводчик с русского на немецкий, который занимается юридической проблематикой, знает как Отче наш теперь, что в России существуют два вида арбитража».

Когда Коммунистическая партия оспаривала присоединение России к ВТО, я для них занимался жалобой в КС РФ и этот момент тоже подчеркнул, что как же так — это же неправильное словоупотребление. Конституционный Суд, наверное, пару абзацев этому посвятил в своем Постановлении № 17-П, сказав, что из смысла, в общем-то, ясно, что это государственные суды, и не страшно, что есть такая неточность.

Но это не удивительно, потому что наши суды не были готовы к такому повороту. И самое главное, суды не привыкли слушать специалистов, в то время как в развитых правовых системах, Вы знаете, если суд встречается с проблемой, которую он не знает, он приглашает специалистов. А наши суды... На первых порах вообще об этом даже и вопрос поднимать невозможно было, т.е. они начисто отрицали такую необходимость, особенно по правовым вопросам. Они считали, что они все знают, что и с арбитражем они сами разберутся.

Не помню, я Вас спрашивал, почему вообще госарбитраж называли арбитражем?

Это надо смотреть далеко в 20-е годы.

Понимаю. С 1922 г. стали называть соответствующие комиссии при госорганах «арбитражными». Но почему?

Я специально не изучал данный вопрос, хотя интересовался. Мне кажется, что главная причина была в том, чтобы показать, что это не суд, что там нет принципов буржуазного суда, формальности, формального подхода. Они же считали, что термин «арбитраж» освобождает от необходимости соблюдать эти принципы нейтральности и следовать всяким другим юридическим химерам. Ведь, Вы же помните, государство рассматривало споры между государственными предприятиями — это концепция хозяйственного управления: государство в данном случае выполняет и роль судьи, и роль игрока на поле. И термин «арбитраж» подошел здесь прежде всего с точки зрения возможности четко отделить, что

в области хозяйства для нас нет ничего частного. А суд для частных дел пусть упражняется во всех этих юридических химерах.

Если посмотреть назад, Александр Сергеевич, исходя из того, что Вы сейчас знаете, видели, Вы бы что-нибудь поменяли в 1993 г., если бы могли, конечно?

Дело в том, что предвидеть в 1993 г. то, что последовало потом, в последующие годы, было практически невозможно. Если Вы мне скажете, что был кто-то, кто предвидел это более или менее четко, я не поверю.

Я понимаю. Я предлагаю просто пофантазировать — «если бы».

Формулирование любого положения в любом законе должно основываться на практике. В то время практика не требовала такого глубокого и досконального подхода. И, соответственно, мы считали, что данный шаг (а это был очень важный шаг в развитии нашего национального законодательства — имплементация Типового закона) и так является большим достижением. Мы здесь впервые вводили возможность оспаривания арбитражных решений в государственных судах, т.е. мы вводили то, чего не было. Об этом не говорилось ни слова в действовавшем тогда законодательстве. То есть мы, по сути, подтягивали до международного уровня свое регулирование. И в этом смысле я думаю, что не только я, но и другие специалисты считали, что мы действительно очень серьезно продвинули наше право. Хотя, конечно, потом, когда данное законодательство стало применяться, я уже думал, что, конечно, хорошо было бы включить и то, и другое. Но почему? Потому что практика пошла своим путем.

Что именно включить?

То или иное положение, которое могло бы нам помочь дополнительно защитить арбитраж. Но в данном случае, я еще раз повторяю, мы исходили из того, что уже сам по себе текст Закона настолько ставит все на свои места, что надо посмотреть, как он будет работать, как будет сформирована практика. Конечно, если бы мы жили в другой среде, т.е. правовая действительность была иной, то, конечно, в этот Закон можно было включить много другого. Но, я еще раз повторяю, у нас не было предыдущего такого акта. Если Вы возьмете другие страны, которые тоже в первые десятилетия приняли Типовой закон, они в основном приспособливали национальное законодательство. Вернее как — принимали Типовой закон и его адаптировали, использовали терминологию, которая сложилась у них прежде.

У нас же не было такой необходимости. Это было, с одной стороны, наше преимущество, потому что мы имели текст Типового закона на русском языке — нам даже не пришлось искать какие-то особые термины, т.е. мы вводили, по сути, данным Законом некоторые очень важные положения, которых не было в российском или в предыдущем советском законодательстве. Поэтому мы считали, что и так был сделан очень большой шаг.

То есть ничего бы не меняли?

Вопрос не совсем, я бы сказал, корректен, что ли, потому что я не мог представить себе грядущие изменения. Потому что, когда была предпринята вторая попытка, уже в 2007–2008 гг...

Когда по поводу МАК пытались изменить?

Нет, нет. По поводу МАК — это, надо сказать, была забота Сергея Николаевича Лебедева. Он очень долго пытался расширить компетенцию МАК, сделать МАК более весо-

мой. Но это было еще раньше. И тогда пытались изменить не Закон, а Положение о МАК. А к Закону не было необходимости подступать.

Но уже после принятия ЮНСИТРАЛ редакции Типового закона 2006 г., когда я уже начал эту работу и убедил правовую службу Министерства экономического развития, то, надо сказать, они пошли навстречу. Потому что доверяли нам, доверяли мне как специалисту. И мы тогда вышли с предложением о том, чтобы включить новые положения Типового закона в наш Закон. И одновременно я как раз тоже предложил дополнить — внести не только те изменения, которые вытекали из новой редакции Типового закона, но и некоторые другие положения, в частности о возможности исключить оспаривание, об использовании суда для получения доказательств — ряд моментов, которые мне в то время казались необходимыми для того, чтобы сделать наше законодательство более совершенным. И опять же почему? Потому что мне давала основания для этого уже практика его применения. Я уже видел, чего здесь не хватает. И опять же не хватает почему? Потому что в основном судебные органы, в которые попадали арбитражные решения, были к этому не готовы, они не понимали некоторых вещей, которые сами собой разумелись. То есть они были достаточно очевидными в международном арбитраже, но, поскольку наши судьи не имели такого опыта, им нужно было дополнительно об этом сказать в законе, ведь они привыкли к тому, что в законе должно быть все написано. Вы же знаете, наши судьи очень в этом смысле догматичны, т.е. они привыкли применять букву закона прежде всего. И отсутствие прямого указания им не давало возможность принять то, что было очевидным.

И я могу еще вспомнить, что после того, как в 1993 г. был принят Закон о МКА, я предпринял некоторые действия — договорился с Московским городским судом о том, что я хочу к ним подъехать. Это было буквально через месяц или через два после того, как был принят Закон. Я предложил, что подъеду рассказать, что новый Закон предполагает уже новую практику и юрисдикцию суда. И мы договорились. Нынешний председатель Мосгорсуда Ольга Александровна Егорова как раз оказалась в числе тех двух судей, которым тогдашний председатель поручила заниматься этими делами. И я поехал в Мосгорсуд и рассказал, что предусматривает новый Закон в части судебного содействия и контроля в отношении международного арбитража и все прочее и что судей надо к этому готовить.

Я с ними договорился, что при необходимости могу прочесть лекцию для судей. Мы установили этот контакт. Если Вы помните, в первоначальном тексте Закона функции контроля были за судами общей юрисдикции. И, более того, не просто за судами общей юрисдикции, а за судами на уровне субъектов Федерации, как во многих странах, т.е. за судами не первой инстанции, а именно вышестоящей.

И тогда, я помню, первые решения, которые они принимали, были достаточно лояльными по отношению к арбитражу, потому что МКАС уважали. Более того, я договорился с Ниной Юрьевной Сергеевой, заместителем Председателя Верховного Суда РФ, которая была одним из старейших судей (и арбитров, кстати), — я тоже ее достаточно хорошо знал. Я договорился с ней о том, что могу подъехать и провести беседу с судьями Верховного Суда. И она это организовала, я приехал туда и прочитал лекцию, прежде всего о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Я рассказал о Нью-Йоркской конвенции. Я помню, я предупредил, что такой аргумент, как нарушение публичного порядка, нужно использовать очень-очень ограниченно и как последнее средство, потому что, иными словами, мы, по сути, дискредитируем этим юрисдикцию. Это все было сделано, но в рамках судов общей юрисдикции. Они тогда занимались данными вопросами, а не государственные арбитражные суды.

В 1993 г. Вы сразу все это делали?

Да, после принятия Закона я как раз это делал, для того чтобы обеспечить его исполнение...

Я еще обратил внимание, что ГПК, который в то время содержал еще советское регулирование вопросов исполнения арбитражных решений, при принятии Закона не изменили. А не изменили почему? Опасались, что нужно вовлекать Верховный Суд — и тогда это дело затянется?

Я не помню точно, но все же после принятия Закона в этих вопросах ориентировались больше на него, а не на ГПК.

Хотя помню, как Сергей Николаевич Лебедев упоминал, что в первое время суды часто в связи с решениями МАК просили его как председателя МАК ставить надписи о вступлении решений в законную силу: тогда ГПК приравнивал эти надписи к исполнительным документам. Такое вот было особое уважительное отношение в ГПК к МАК. Ему приходилось разяснять, что не вправе он это делать. Однако соответствующую норму действительно формально долго не отменяли.

А Верховный Суд как-то был вовлечен в процесс принятия Закона?

Был, но не очень активно, насколько я помню. Детали сейчас уже не расскажу.

А Вы уже на стадии обсуждения в Верховном Совете подключились к работе над Законом?

Немного раньше. Почему? Потому что я в 1989 г. был избран заместителем председателя Арбитражного суда, как он тогда назывался, — заместителем В.С. Позднякова. И уже в качестве заместителя Председателя выполнял некоторые виды работ. Я помню, я докладывал на Президиуме Торгово-промышленной палаты как раз вопросы, связанные с международным арбитражем. Но непосредственно к работе, связанной с Типовым законом, подключился уже на более поздних этапах, потому что, как я уже говорил, первую скрипку там играл Сергей Николаевич Лебедев. Более того, я бы сказал, что он был и всем оркестром, потому что он считал, что это его детище, и он, по сути, я бы сказал, осторожно подпускал других близко.

Но поддержка людей внутри ТПП разве не была нужна?

А как это — внутри ТПП? В ТПП никто, кроме тех, кто отвечал за арбитраж, и понятия не имел об этом процессе. Все знали, что этим занимаются С.Н. Лебедев, В.С. Поздняков; арбитраж работает, деньги приносит — все, значит, и так нормально. Так что здесь в данном вопросе к ним было полное доверие. И правильно: для этого были серьезные основания, потому что, например, Сергей Николаевич занимался арбитражем с самого начала и не только у нас в стране, но и за рубежом считался очень авторитетным специалистом в данной области. Поэтому по содержанию, может быть, у кого-то из сторонних лиц, кто знакомился с текстом, и могли возникать какие-то предложения, но на уровне тех инстанций в ТПП, которые должны были принимать решения о продвижении проекта Закона, они вряд ли бы привлекли серьезное внимание.

Отзывы каких-то министерств помните?

Да, был, например, от МИДа. Все они были в целом позитивные. Потому что, я еще раз говорю, ну кто там мог ответить, кто там мог написать что-либо противоположное? И потом, Вы не забывайте, была монополия внешней торговли: внешнеэкономической

деятельностью занималось только Министерство внешних экономических связей, да еще ТПП, поскольку там были арбитражные центры. Считалось, что проект, который подготовлен ТПП, проходит. И я еще раз повторяю, что здесь сыграл большую роль Президент ТПП С.А. Смирнов в том, что все проекты шли без задержки.

Как Вы думаете, если бы в 1993 г. не удалось Закон принять, то когда бы его все-таки приняли? Или вообще бы не приняли?

Я думаю, с учетом того, что уже в эти годы стал усиливаться Высший Арбитражный Суд, то он, наверное, все-таки попытался бы как-то ограничить его применение, и прежде всего через определение арбитрабельности. Я тоже думал над этим вопросом, что было бы, если бы в то время Закон не приняли. Наблюдая, анализируя законотворческую деятельность, которая проходила в те времена, нельзя было не почувствовать, что, конечно, такой закон, который носит специальный характер, имеет особую юридическую технику и нуждается в объяснении, предполагает формирование готовности к его пониманию — и прежде всего не у чиновников, которые принимают решения, а у предпринимателей, т.е. тех, кого мы называем пользователями арбитража.

И я в этом смысле, к сожалению, прихожу к выводу о том, что достоинства, необходимость третейского разбирательства, в том числе международного арбитража, большинством наших предпринимателей все-таки еще недостаточно осознаются. Главным аргументом, когда в те годы продвигался международный арбитраж, было то, что это естественное международное требование, что с нами никто не будет вести дела, если мы не будем соблюдать принятые в международном обороте принципы. А одним из них, безусловно, является то, что международные коммерческие споры рассматриваются в арбитражном порядке. И это был важнейший, однако, так сказать, внешний аргумент. Но вместе с тем не было внутреннего осознания того, что третейский суд нужен, полезен, востребован. Почему? Потому что он дает возможность достаточно быстро решить спор, обеспечивает конфиденциальность, более простую процедуру исполнения решений. Это рациональные аргументы, которые имеются прежде всего у пользователей арбитража и у юристов, т.е. они осознают, они чувствуют, что в данном случае есть преимущество разрешения спора в арбитраже по сравнению с государственным судом. У нас в тот момент, можно сказать, вообще этого не было, кроме, опять же, небольшой очень группки специалистов. А большинство юристов не осознавали этого, и единственный аргумент был, что так положено, так делается везде, потому что иначе быть не может.

Соответственно, и арбитражные оговорки вставлялись бездумно, т.е. такие выдумывали формулы, которые вообще трудно было даже представить.

Так что в тот момент, конечно, если бы мы не приняли Закон о МКА, то, я думаю, прошло бы много времени, по крайней мере где-то до середины 2000-х гг. Я бы еще связал это с принятием нового Гражданского кодекса, потому что все-таки развитие предпринимательства, элементов свободного рынка, рыночных отношений подталкивало снизу. Когда предприниматели столкнулись с государственными арбитражными судами и с их очень формальными подходами и сравнили с возможностью быстро решать свои споры в третейском суде, то они стали тяготеть к этому. Данное обстоятельство и привело к тому, что государственные арбитражные суды увидели в третейских судах конкурента, соперника, которого надо было приструнить.

Я, честно говоря, думаю, что понадобились бы многие годы, чтобы сейчас принять подобный акт. Ни одного закона, который носил бы примерно такой же характер, в последние годы, по-моему, не было принято. Была и другая альтернатива: приняли бы быстро, но в совершенно ином виде, доморощенном и не учитывающем международные стандарты.

Как Вы думаете, наличие у Закона двух отдельных приложений, т.е. положений о МКАС и о МАК, – это было правильно в 1993 г.?

Тогда это была необходимость. Я могу сказать, что как раз согласовывал данные положения, и, более того, я помню, как мы представили с приложениями проект. А причина была в чем? Во-первых, нужно было все-таки на уровне закона решить вопрос о правопреемстве, чтобы арбитражные оговорки со ссылкой на ТПП СССР действовали в арбитраже при ТПП Российской Федерации. Ведь, как я сказал, уже в те времена возникли проблемы, когда говорили, что такого арбитража нет, а значит, нет основания туда передавать споры. Это первая была важная задача – обеспечить не правопреемство, а правопродолжение, т.е. чтобы была по крайней мере легальная основа закона. Это первое было соображение.

А второе соображение касалось того, что в силу предыдущего положения о ВТАК председатель имел право принимать решение об обеспечительных мерах. А это тоже, сами понимаете, могло быть только на основе закона. В сам Закон о МКА не решились включить соответствующее положение. Почему? Потому что не хотели нарушать Типовой закон, потому что там прямо не предусмотрено, потому что это все-таки отдельный правовой институт, потому что речь идет об обеспечительных мерах, которые не трибунал принимает, а именно институт. И опять же здесь должна была быть законодательная основа. И именно потому пришли к выводу, что данный вопрос можно решить таким образом, т.е. в приложениях к Закону. Это было сделано не для того, чтобы выделить МКАС и МАК каким-то образом, а потому, что нужно было решить правовые проблемы.

И я помню, что как раз мне довелось все это излагать уже в Аппарате Верховного Совета, когда меня вызвали и сказали: «Что это такое у вас здесь? Статья 17 Закона говорит об обеспечительных мерах, и у вас в положениях то же самое?» И мне пришлось объяснять, что это разные обеспечительные меры – что там это обеспечительные меры, которые арбитраж принимает, а здесь обеспечительные меры, которые принимает институт. И я указал почему. Потому что у нас в Гражданском процессуальном кодексе и в Арбитражном процессуальном кодексе не было тогда нормы, которая давала бы возможность принять обеспечительные меры по начатому процессу в арбитраже. А ведь наличие арбитражной оговорки должно было бы давать основание принять обеспечительные меры. А у нас этого не было, это отрицалось. И все для того, чтобы те, кто пользуется арбитражем – МКАС и МАК, имели возможность принятия таких предварительных мер, даже когда еще не сформирован третейский суд.

И еще один момент, который был по крайней мере в Положении о МКАС, – по-моему, в Положении о МАК этого не было – то, что МКАС имеет право рассматривать споры, основываясь на международном договоре.

По МАК тоже было.

Тоже было. Да, правильно. А это было необходимо для того, чтобы реализовать Московскую конвенцию 1972 г. о разрешении арбитражным путем гражданско-правовых споров.

В отношении МАК было одно соглашение с Норвегией, кажется, насчет рыболовных сетей. Других не было, насколько помню.

А председатель Комитета по законодательству Митюков Михаил Алексеевич – не помните, он как, тоже достаточно помогал?

Да, он как раз председательствовал на заседании Комитета, когда рассматривался проект Закона. Не то чтобы помогал, но по крайней мере понимал, что он в этом деле не очень большой специалист. И хотя тоже, я помню, вопросы какие-то задавались, но они не носили такого уж принципиального характера.

Насколько я знаю, перед принятием, перед 7 июля, Комитет разделился, и возглавлять его стал Шахрай, а Митюков в другой ушел.

Нет, я присутствовал на том заседании, на котором, по-моему, окончательное решение принималось. Там председательствовал Митюков.

Да, там несколько дней всего оставалось. Понятно.

Я могу сказать, я помню, что техническую часть вела Любовь Анатольевна Агеева. Она очень энергичная была в этом процессе и содействовала, конечно. И надо сказать, что иногда она задавала вопросы, в частности по этим обеспечительным мерам; это она, когда тексты просматривала, обычно спрашивала, зачем это нужно, ведь в 17-й статье уже написано – так зачем повторять? И я объяснил ей, что это необходимо, потому что это разные вещи. В принципе, понимаете, в тот момент весь Аппарат относился очень лояльно к проекту, потому что, еще раз говорю, за ним стоял С.А. Смирнов, в то время занимавший очень заметное, авторитетное положение, будучи не только формально членом Президиума, но и, самое главное, как все знали, находясь в тесном контакте с Ельциным.

А какие-нибудь еще курьезные случаи помните в процессе принятия? Кроме Шандыбина – ничего?

Нет, нет, ничего, ничего. Потому что, я говорю, в принципе, проходило все достаточно гладко в этом смысле. Потому что, я еще раз повторяю, главным аргументом было то, что это ооновский документ и, самое главное, что очень важно, доверяли специалистам, которые все это делали. И тут не было и оснований по-другому поступать, потому что Сергей Николаевич Лебедев был одним из его авторов. И потом, это проходило через Министерство внешних экономических связей, и в ТПП тоже позитивно относились.

А в процессе применения Закона не помните забавных, любопытных ситуаций?

Было довольно много таких курьезных случаев применения Закона о МКА.

Естественно, это было результатом отсутствия опыта, отсутствия знаний. Я уже не говорю о том, что во многих случаях была ангажированность суда принять то или иное решение, потому что зачастую за ним стояли не какие-то теоретические конструкции или какая-то логическая связь, а просто надо было найти способ отказать или, наоборот, признать решение. Хотя это уже не курьезы, а серьезные ошибки из-за непонимания, т.е. совсем уже не смешные вещи.

Особенно много было ошибок с применением концепции публичного порядка.

Как Вы думаете, можно ли какие-нибудь тенденции определить за эти 25 лет применительно к Закону, или пока еще даже рано говорить об этом?

Если подводить промежуточные итоги того, что имело место два года назад, т.е. когда были приняты новые законы о третейском разбирательстве, то я считаю, что пока рано, хотя в данном случае уже есть признаки того, что за последнее время третейское разбирательство стагнировало. Его развитие сейчас имеет достаточно большие проблемы в силу того, что у нас существует всего-навсего четыре арбитражных института. Соответственно, говорить о том, что стало больше третейских разбирательств, нельзя уже хотя бы по этой причине. А в целом я с самого начала был критиком концепции данной реформы. То есть я не возражал против того, чтобы внести серьезные изменения, дополнения – вот то, что Вы спрашивали, можно ли было. Ведь к тому времени уже стало ясным, что надо серьезно дополнять наше законодательство, потому что судебная практика, к сожалению, указывала на то, что недостаточно адекватно все это применяется.

Потому я считаю, что изначально концепция реформы была порочной. Ведь основой для этого было что? Что имеет место злоупотребление третейским судом — это главная идея. И стали бороться против того, что третейским судом злоупотребляют. Но этого во многом не было, это было надуманно, потому что да, были злоупотребления, но разве нет их в других сферах? Когда новый Гражданский кодекс ввели, принцип свободы договора приводил к тому, что возникали какие-то совершенно невообразимые конструкции. Это опять же объективное явление, потому что не может все с самого начала развиваться так, как хотелось бы. Так вот, я считаю, что идея, будто третейскими судами злоупотребляют, будто это один из способов и «обхода» закона, и нехороших дел, была неправильной. Потому что да, были злоупотребления, но пресловутая концепция «карманных» судов была надуманна.

Если посмотреть соответствующие дела, там заметно смещение понятия беспристрастности с арбитров, с арбитража на институт. И самое главное, что с помощью закона, действовавшего тогда, можно было решить эту проблему. Что такое отсутствие беспристрастности института? Это наличие какой-то связи между арбитром и институтом. И разве это не давало основания заявить ему отвод, не давало основания привести в судебном порядке в норму? Я потому считаю, что значение «карманных» судов было преувеличено и, по сути, было использовано как повод для того, чтобы навести порядок с ними, ограничить их деятельность. И, конечно, свою роль сыграло также во многом непонимание, что ли, или неосознание основных, фундаментальных принципов, на которых строится третейский суд. Это тоже стало причиной того, что были сформулированы соответствующие положения, которые стремятся детально регламентировать третейский суд, т.е., по сути, применительно к нему нивелируют значение автономии воли сторон, поскольку они ограничены в формулировании условий, на которых будет рассматриваться их спор.

Все это, с моей точки зрения, основания, которые были во многом преувеличены и надуманны, потому что, если посмотреть статистику, решалось очень большое количество дел в третейских судах — и решалось удовлетворительно, т.е. они не отменялись — они исполнялись добровольно. И примером этого является один из третейских судов, который подвергся атаке, а именно учрежденный Сбербанком. Он решал в год сотни дел. И они решались быстро, и это все способствовало нормальной предпринимательской деятельности. И другие внутренние арбитражные суды так же работали и приносили довольно много пользы.

Да, конечно, я еще раз повторяю, нельзя исключать того, что были злоупотребления, но самое интересное, что эти злоупотребления, как правило, были возможны в том случае, если была соответствующая поддержка со стороны государственного суда. Ведь вообще о злоупотреблениях институтом третейского суда можно говорить только тогда, когда затрагивается государственная юрисдикция, потому что если стороны исполнили решение, вынесенное третейским судом, добровольно, то у них никаких вопросов нет. Значит, они довольны этим, и это не препятствует им развивать дальнейшие отношения. И только в том случае, когда нужно было легализовать какую-то конструкцию через третейский суд, это было возможно, только если у сторон была уверенность в том, что третейский суд сделает так, как они хотят.

Иными словами, третейский суд использовался тогда, когда была уверенность в том, что дело, которое можно было провести через третейский суд, будет поддержано государственным судом. Третейский суд оказывается востребованным и уверенность сторон в нем только тогда присутствует, когда государственный суд относится к нему с доверием и благоприятно, *arbitration friendly*, т.е. в случае каких-то сомнений он отдает предпочтительные позиции в пользу третейского суда. А это, к сожалению, пока еще у нас отсутствует.

И я повторяю, что реформа во многом была идеологически построена на признании того, будто у нас сложилась ситуация, что лицом третейского разбирательства являются его злоупотребления, что это главное — злоупотребления. Но в действительности такого не было, ведь практика только формировалась. По сути, полноценный третейский суд начал развиваться с 2002 г., когда были приняты закон о третейских судах и новый АПК. По сути, прошло 10 лет с небольшим. И как можно уже на основе этого говорить о том, что была сформирована порочная практика и все это — результат злоупотребления в третейских судах? Злоупотребление третейским судом возможно только в том случае, если в дело вовлекается государственный суд. Ведь даже если третейский суд решил спор не в полном соответствии с законом, но тем не менее результат удовлетворяет стороны, то, в принципе, о государственном вмешательстве здесь вообще речи не может идти.

Поэтому я повторяю, что злоупотребление третейским судом возможно было только при попустительстве или при активной роли государственных судов. И, конечно, такая идеологическая основа была использована для того, чтобы усилить государственный контроль. И, по-моему, у Вас в вопросе там было, что не просто подразумевалось, а даже было подтверждено предпочтение институционных судов арбитражу *ad hoc*, хотя, по сути, именно последний является третейским судом в чистом виде. И правила, которые установили сейчас для создания и деятельности постоянно действующих арбитражных судов, конечно, слишком жесткие — и прежде всего это означает ограничение автономии воли сторон в формулировании условий рассмотрения их спора.

Я сейчас не буду вдаваться в детали, потому что там много моментов, которые заслуживают отдельного анализа, но самое главное, что столь подробная регламентация деятельности постоянно действующих арбитражных судов прежде всего означает ограничение воли сторон, т.е. ограничение деятельности третейского суда. Я уже не говорю о том, что такой механизм дает возможности государству в лице Министерства юстиции, по сути, влиять на эти постоянно действующие суды, ведь фактически оно дает разрешения на осуществление деятельности третейских судов...

Кстати, про арбитраж *ad hoc*. Как Вы считаете, ограничения, которые существуют сейчас в его отношении, оправданны?

Я думаю, что нет. Почему? Потому что они сделаны только для одного — для того, чтобы вынудить стороны, когда они выбирают рассмотрение спора в третейском суде, обратиться в постоянно действующий суд, т.е. все свести «под крышу» ПДАУ. Смешное, кстати, сокращение. Раньше как-то использовали «институт», «учреждение», а теперь ПДАУ. Главная цель ограничения возможностей третейского суда *ad hoc* именно в том, чтобы принудить стороны, когда они согласились безусловно с тем, что арбитраж более предпочтителен, к тому, чтобы идти в постоянно действующий суд, создав видимость гарантий, что там обеспечивается беспристрастность и независимость. Но я говорю, что если вникнуть в детали начиная с необходимости соблюдать установленные законом правила и процедуры и многие вещи, которые обязательны для регламентов, то окажется, что они просто сковывают третейские суды. Ведь одна из главных черт третейского суда — то, что он постоянно приспосабливается, отвечает интересам практики. То есть, когда на практике появляется какая-нибудь проблема, и она должна быть решена более эффективно, третейские суды, например, просто обновляют свой регламент. А теперь им надо докладывать в Минюст, менять это все. И, спрашивается, зачем это надо делать?

Как Вы полагаете, будущее у подлинного арбитража *ad hoc* в России есть?

В России надо жить долго, как известно. Теоретически есть, а на деле — многие сомнения. Арбитраж *ad hoc* — в чем-то квинтэссенция арбитража, арбитраж в чистом виде. А если у нас такие ограничения на создание ПДАУ, если специалистам не дают заниматься арбитражем, то как получать чистую субстанцию?

А как Вы относитесь к конструкции автономных третейских судей *ad hoc*, предложенной Арбитражным третейским судом г. Москвы?

Мне кажется, что это мимикрия под арбитраж *ad hoc*. Множество лиц, которые говорят о том, что занимаются *ad hoc*, и при этом объединенных, как они о себе пишут, в «коллекцию независимых автономных третейских судей» — это оксюморон, как горячий лед.

Да, звучит абсурдно. «В одну телегу впрячь не можно / Коня и трепетную лань». Тут арбитраж *ad hoc* выступает ланью, а ПДАУ — конем. ПДАУ может выполнять отдельные функции для содействия арбитражу *ad hoc*, но не подобным образом.

Все верно. Но не забывайте опять-таки, что все эти вещи появились не на пустом месте, а в качестве ответа на ограничительные нормы закона. Люди видят все эти запреты и начинают реагировать. Я не защищаю эту конструкцию автономных третейских судей. Но и ограничивать арбитраж так, как это было сделано и как это происходит, — неверно.

Как Вы думаете, Александр Сергеевич, сейчас актуально приведение Закона о МКА в соответствие с Типовым законом в части обеспечительных мер?

Да, я считаю, что это надо сделать.

Разве власти на это пойдут?

Это другой вопрос, пойдут они или не пойдут. Но в том, что это целесообразно, сомнений нет. Получается, что в преамбуле Закона о МКА написано, что он принят с учетом Типового закона в редакции 2006 г. Но главные изменения этой новой редакции в нем не были отражены. Там же было два вопроса. Первый — о форме арбитражного соглашения. И там было сформулировано очень либерально все это. Я уже не говорю о том, что там предусмотрена была возможность вообще отказаться от письменной формы. Это один вопрос. Но самый главный вопрос касается обеспечительных мер — я помню, я участвовал в работе ЮНСИТРАЛ над этим; почти два года ушло на создание одной ст. 17 — целой главы, в которую вошло, по-моему, 11 статей. И я сейчас наблюдаю, что практически все страны, которые свое законодательство об арбитраже реформируют, ссылаются на новую редакцию и имплементируют ее. Потому я считаю, что даже чисто политически неправильно игнорировать основное изменение Типового закона, касающееся таких мер; там же речь идет не только о предварительных мерах в арбитраже, но и об исполнении судом этих мер, а также о том, когда суд может принять соответствующее решение. Там достаточно широко не только то, что может быть принято арбитражем, — там вносится ясность по многим вопросам. Потому я считаю, что это было бы чрезвычайно полезно.

Однако проект, в который было включено регулирование обеспечительных мер, не получил согласования с ВАС. Чтобы спасти проект о внесении изменений в Закон о МКА, положения об обеспечительных мерах были исключены, имея в виду, что во втором чтении можно будет восстановить то, что было исключено. Но когда дело дошло до второго чтения, компромисса достичь не удалось, поскольку предлагаемые формулировки делали ситуацию еще более сложной, чем та, которая предусматривалась действующим законодательством.

А потом среди прочего все это привело к тому, что возникла концепция совершенствования третейского разбирательства и проект о внесении изменений в Закон о МКА прикрыли. Я считаю, что концепция реформы была с самого начала неправильная. Есть ощущение, что те, кто формулировал ее и последовавшее за ней законодательство, не понимали, каково должно быть направление развития современного законодательства в данной области. Они не были в курсе тех изменений, тех тенденций, которые существуют в международном арбитраже, т.е. на фоне того, что имело место за рубежом, мы шли в прямо противоположном направлении. Если везде создавались более благоприятные условия для арбитража, с тем чтобы превратить территорию того государства, где принимается соответствующий закон, в более благоприятную юрисдикцию, то у нас получилось так, что мы, наоборот, создали проблемы, сложности для развития третейского разбирательства, включая международный арбитраж, на территории России.

А еще что-то, Александр Сергеевич, кроме положения об обеспечительных мерах, думаете, в Федеральном законе «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» сейчас имело бы смысл поменять?

Я бы вообще, честно говоря, исключил или по крайней мере серьезно переработал гл. 9, которая регулирует создание и деятельность этих ПДАУ. И я бы в принципе исключил возможность применения положений, которые записаны в отношении внутреннего третейского суда, к международному арбитражу, т.е. отделил бы это. Есть ряд моментов, которые полезны также и для практики международного арбитража, но они носят чисто юридико-технический характер, например, где хранить архивы. Это действительно полезно. Но, в принципе, данный вопрос решен в основном в той главе, которая касается деятельности постоянно действующих арбитражных судов и которая содержит неоправданно широкий круг ограничений для ПДАУ. Многие из них просто излишни. Я уже не говорю о моментах, связанных с необходимостью заключения «прямых соглашений». Это прямое ограничение автономии воли сторон, потому что подобные соглашения возможны только в отношении постоянно действующих арбитражных учреждений. Вообще, сейчас нужно приветствовать проведение серьезного реформирования, перезагрузки нашего законодательства в этой части, потому что если так дело пойдет, то ничего хорошего из этого не выйдет.

Александр Сергеевич, сейчас Вы бы оставили два приложения к Закону – о МКАС и о МАК? Нужны ли они?

В нынешних условиях это сложный вопрос. Понимаете, я не исключаю, что проблемы правопреемства могут оставаться еще. Не надо, может быть, было так подробно расписывать, как это сейчас они там расписали. Но пока, мне кажется, имеет смысл оставить именно исходя из таких соображений.

А как же принцип равенства?

В этом не проявляется неравенство, а отражается необходимость решить правовую проблему. Очень важный юридический момент – вопрос правопреемства. С этой точки зрения ни один арбитражный институт в России не может сравниться с МКАС и МАК, действовавшими на протяжении многих десятилетий до реформы.

Но этот момент можно урегулировать во вводимом законе.

Да все равно – что впереди, что сзади. Все равно закон, понимаете?

Вопрос в ином: зачем такое резкое выделение? Неприлично выглядит даже.

Мне кажется, что важнее другой вопрос — вообще исключение процедуры получения разрешения. И кстати, если она есть, то все должны быть равны в этом отношении, включая МКАС и МАК.

А как же довод, что генерал не должен с первоклассниками экзамен проходить?

Так я еще раз говорю, не надо было устанавливать требования для всех тех, кто уже действует. Вот вновь создаваемый арбитражный центр пусть подвергается такой процедуре. Но самое главное, я повторяю, способы контроля за деятельностью должны быть не такими прямолинейными, как сейчас. Вообще, одним из принципиальных расхождений с Типовым законом является введение этой лицензионной процедуры.

В данном контексте я хотел бы обратить внимание на следующее.

Одним из главных вопросов на прошедшем в апреле нынешнего года в Сиднее конгрессе Международного совета по коммерческому арбитражу (International Council for Commercial Arbitration (ICCA)) стал вопрос о «легитимности международного арбитража». Обсуждали само понятие легитимности арбитража, что в него включается. В целом, можно сказать, легитимность — это то, что считается приемлемым с точки зрения общественного сознания применительно к самой идее арбитража. Речь идет о том, чтобы он не выходил за рамки того, что связано с сутью, с существом такого общественного института, как арбитраж. И в процессе обсуждения указывалось, что легитимность в разных странах понимается по-разному. Например, в России, как сказал один из авторитетных международных специалистов, считается, что арбитраж может действовать только тогда, когда арбитражный институт получил соответствующее разрешение. Таково, резюмировал он, понимание легитимности арбитража в России, что довольно далеко от того, как трактуется легитимность арбитража в других странах.

Рабство тоже было когда-то законным. Как и репрессии. Законность — характеристика прежде всего власти, а не права.

Да. Вот как раз в этом смысле у нас есть проблема. Дело в том, что у нас термин «легитимность» уже довольно затаскан. И в данном случае здесь возникает интересная проблема, а именно: что в современных условиях представляет собой международный арбитраж? Эту проблему анализирует в своей книге «Legal Theory of International Arbitration» авторитетный специалист в данной области Эммануэль Гайяр (Emmanuel Gaillard). Ян Паулссон (Jan Paulsson) также сосредоточил свое внимание на выяснении того, в чем состоит идея арбитража: несколько лет назад вышла его книга «The Idea of Arbitration». Он как раз подходит к тому, что понятие арбитража — это нечто уже сформировавшееся и, в принципе, достаточно автономное. Он использует понятие «прототип»: арбитраж, характер взаимоотношений внутри данного института — это прототип, несколько основных моментов, а все остальное выстраивается как раз в рамках того, что ограничено таким прототипом. Это философское понятие, на котором основано многообразие явлений.

А как Вы думаете, в свете того, что Вы сказали, новое законодательство конкурентоспособность российского арбитража снижает или никак на нее не влияет? Повышает, может быть?

Снижает, снижает. Объективно снижает. Почему? Потому что арбитраж основан на автономии воли, на свободе воли сторон, на свободе выбора не только самого средства разрешения споров, но и способа, каким будет осуществляться это разбирательство, по-

нимаете? В основе лежит именно такая возможность. И самое главное, что это реальная альтернатива судебному разбирательству. То есть должно быть нечто такое, что отличает в лучшую сторону арбитраж от судебного разбирательства, понимаете? Ведь если не будет отличий одного от другого, то и не будет смысла в существовании подобной альтернативы: зачем к ней прибегать, когда это по сути не альтернатива? Но сейчас она в наших условиях практически отсутствует, потому что, я повторяю, многие преимущества, которые дает арбитраж по определению, сведены к минимуму нашим законодательством.

И от этого никуда не денешься, а потому говорить о том, что наше законодательство создало предпосылки для того, чтобы развивался как третейский суд вообще, так и международный арбитраж в частности, что российская юрисдикция имеет определенные преимущества, не приходится. Какие преимущества, скажите мне? Практически никаких. Единственное, что я видел, — сейчас в статьях пишут, что решен позитивно вопрос о корпоративных спорах. Мало национальных юрисдикций, где прямо это записано, но дело в том, что там нет и ограничений; там, где принципы арбитража действуют, они регулируют данный вопрос. А у нас, подумайте, что получилось? Вы вспомните прежде всего, какие ограничения. Кроме того, только в арбитражных судах, постоянно действующих. И то лишь в таких, которые имеют специальные правила, только на территории России.

Только по особым правилам.

Да, только по правилам. И получается, где тут что-то хорошее? И потом, те условия по поводу корпоративных споров, которые перечислены там, далеко не исчерпывают все возможности, а наоборот, как раз создают предпосылки для того, чтобы оспаривать арбитражные решения и чинить разные препятствия. Поэтому я, когда буду писать что-нибудь, однозначно выскажусь за то, что новое законодательство не принесло результата, призванного сделать российскую юрисдикцию более благоприятной для проведения арбитража. При этом я сошлусь на такой документ, как *London Centenary Principles*. Они были сформулированы на конференции, посвященной столетию лондонского Королевского института арбитров (Chartered Institute of Arbitrators (CIArb)). Эти 10 принципов отражают, какие характеристики национальной юрисдикции отвечают требованиям благоприятных условий для арбитража. И первое, с чего все начинается, — что неудивительно — это арбитражное законодательство. Затем следуют указание на поддержку арбитража со стороны судебных органов и наличие квалифицированных, опытных участников арбитражного процесса, юридическое образование и ряд других важных для развития арбитража моментов.

Да, конечно. Что мне еще давно бросилось сразу в глаза, в английском Законе 1996 г. одна из трех прямо названных целей — это невмешательство в арбитраж.

Правильно. Там действительно написано, что арбитраж — это способ, в соответствии с которым рассматривается дело, причем быстро, как они пишут, с точки зрения временных затрат, эффективно и без вмешательства государства. Это я тоже помню. И англичане тем не менее критикуют свой Закон и считают, что есть резервы для того, чтобы развиваться дальше. И вот совсем недавно мне попала статья, в которой обсуждаются влияние на английский международный арбитраж и вообще на арбитраж ст. 69 Закона, которая предусматривает обжалование арбитражного решения по вопросам права, и возможность его исключения. Рассматривается вопрос о том, способствует ли эта норма кардинальному изменению в отношении к английскому арбитражу. И довольно сдержанно указывается, что едва ли в ней есть смысл, учитывая, что фактически сейчас *LCIA* и другие арбитражи, действующие в Англии, в своих регламентах уже исключили соответствующее положение.

Исключение возможности обжалования уже считается само собой разумеющимся, вполне нормальным. А у нас, наоборот, специально установили, что в каждом конкретном случае, даже если регламент предусматривает окончательность арбитражного решения, нужно отдельно договариваться об исключении возможности его оспаривания.

Если резюмировать, то Вы вообще за отмену разрешительного порядка?

Да, я считаю, что это прежде всего не соответствует логике Типового закона ЮНСИТРАЛ, главной идее, заложенной в нем. А кроме того, возникают большие сомнения и в конституционности данных положений. Ну что такое постоянно действующий арбитражный суд? Это способ, направленный на более широкое применение арбитража сторонами, поскольку они освобождаются от необходимости самим подробно формулировать процедуру рассмотрения спора. Вот смысл – в облегчении, создании более благоприятных условий. А у нас получается, что, по сути, стороны загоняют в сферу, где они могут выбрать только один арбитражный центр из четырех.

А что Вы думаете о перспективах арбитража в БРИКС? Особенно российского арбитража?

Здесь, понимаете, опять же больше политики, потому что надо показывать деятельность. Вы же знаете, в БРИКС нет ни одного документа, который имеет обязательную силу. Там одни только декларации – о том, что будут сотрудничать там-то и там-то. Может быть, что-то и осуществляется. Но с точки зрения международно-правовой ничего обязывающего. Но, правда, для публицистов хорошо, когда там делаются совместные заявления: они считают это достаточно серьезным. Но по сути ничего такого, что постоянно и эффективно работало бы, пока нет. Я специально этим занимался, потому что пару лет назад был приглашен участвовать в Рабочей группе по выработке единообразного документа для регламентации коммерческих договоров в рамках БРИКС.

Договоров поставки?

Нет, вообще. Понимаете, это была концепция, инициатором выступал Кейптаунский юридический факультет – отдельные лица, ученые, профессура Кейптаунского университета, выступившие с предложением разработать документ наподобие Принципов УНИДРУА.

Но для БРИКС только?

Да, только для стран БРИКС.

Почему? Они говорят, что среди стран БРИКС две (Индия, Южно-Африканская Республика) относятся к англо-американской системе (хотя в отношении ЮАР надо делать оговорки: там смешанная система) и три (Россия, Китай, Бразилия) – к континентальной (но и тут оговорки нужны по Китаю). И меня пригласили в силу того, что я участвовал в разработке Принципов УНИДРУА. И у нас в Кейптауне состоялась два года назад первая встреча.

Вы туда ездили?

Да. И там как раз думали, что это будет за документ. Короче говоря, на первых порах решили сделать что-то вроде справочника, обзора законодательства, применимого к международному коммерческому договору, по всем странам. Сделать общий такой материал и по отдельным странам. Потом я видел, что в документах последних юридических форумов БРИКС отмечалось, что полезно было бы сотрудничество в области арбитража, даже

более того, создание специального органа, который рассматривал бы коммерческие споры. Но это не вполне реальные проекты. Ну представляете, хорошо, создадут такой арбитражный центр, но чтобы он работал, нужно, чтобы были дела, а никто же не пойдет на установление обязательной юрисдикции этого арбитражного суда.

Кстати, как Вы думаете, сейчас можно говорить о каких-то обозримых перспективах арбитража в России, или пока ситуация настолько неопределенная, что рано даже строить какие-то предположения? Что-то планировать можно или же нет?

Тут проблема еще в том, что арбитраж не существует изолированно. Он зависит от интенсивности развития международных экономических связей. И если в этой части будет все нормально, будут увеличиваться объемы международной торговли, то, естественно, можно ожидать объективно, что будет возрастать и количество соответствующих споров. Сейчас ситуация такова, что ожидать в ближайшее время какого-то бурного роста внешнеэкономической деятельности, наверно, не приходится. И опять же, видите, сейчас во внешнеторговой деятельности участвуют, как правило, крупные предприятия.

То есть наш арбитраж, в принципе, нацелен и должен помогать мелким и средним предприятиям, потому что для крупных предприятий, для больших предприятий, конечно, уже сложилась система: это прежде всего крупные, ведущие арбитражные центры. И в свое время в МКАС иногда были такие заявления, что мы должны сравниться, соревноваться с ICC, с Лондоном по авторитету. На определенном этапе это было так, потому что у нас были преимущества, прежде всего небольшой арбитражный сбор, но все равно к нам шли в основном небольшие — мелкие и средние — предприятия. И, в принципе, главная цель национальных арбитражных центров в том, чтобы создать предпосылки для того, чтобы предприниматели, мелкие и средние, получали такую возможность, потому что степень их участия сейчас тоже далека от желаемой. Поэтому говорить, что международный арбитраж будет принимать все большие и большие размеры, по крайней мере в ближайшее время, я думаю, нет оснований. Другой аспект — это инвестиционный арбитраж. Вот здесь можно ожидать того, что будет увеличение.

Сейчас инвестиции скорее за счет государственных средств. А это натывает опять на проблему арбитрабельности и позицию Верховного Суда.

Нет, я имею в виду инвестиции международные — иностранные инвестиции.

Но к нам иностранные инвесторы не идут и не захотят идти.

Нет, но они есть у нас, понимаете? Есть и могут возникнуть проблемы с ними. Я уже не говорю о том, что на сегодняшний день у нас достаточно арбитражных дел с Украиной, в частности несколько дел, связанных с Постоянным третейским судом в Гааге. Еще по ЮКОСу возникают некоторые дела. Так что тут может быть развитие, но опять же это не тот масштаб, так сказать. Здесь может быть дополнительно два, три, четыре дела. А если говорить в целом, как об отрасли, то, я повторяю, увеличение количества международных споров напрямую связано с деятельностью наших небольших и средних предприятий. Но сейчас в России, по-моему, число таких предприятий не то что не растет, а уменьшается даже, потому что условий для этого мало, потому что, как правило, их контрагентами являются тоже средние и мелкие предприятия из-за рубежа. И они, в принципе, заинтересованы в том, чтобы споры эти рассматривались в арбитраже.

А какие-нибудь перспективы, думаете, могут быть связаны с Евразийским экономическим союзом? Или ситуация примерно такая же?

Если посмотреть на сегодняшнее положение дел, то подавляющее большинство споров, которые возникают в рамках бывших советских республик, все-таки решаются государственными судами, потому что еще бытует общее представление о том, что полноценная внешняя торговля между этими государствами не сложилась. То есть даже торговля с бывшими советскими республиками не рассматривается как полноценная внешняя торговля. Ближнее зарубежье. Все-таки там действуют иногда иные правила, принципы и практика, которая складывалась в течение предшествующих десятилетий в торговле с западными странами. И пока еще нет оснований говорить, что в данном случае отношения между контрагентами из стран братских, так сказать, являются примерно такими же, как отношения с западными странами, т.е. дальним зарубежьем. Поэтому здесь тоже имеет смысл развивать такие отношения, и вот тут, я считаю, у ТПП есть резерв очень большой, потому что она – и, соответственно, Москва, и Россия в целом – может стать тем нейтральным местом, где будут рассматриваться споры между предприятиями из разных стран-участниц, например из Белоруссии и Казахстана. Вот тут у нас есть все объективные предпосылки для того, чтобы стать таким местом для рассмотрения споров – нейтральным, потому что даже сам по себе фактор русского языка как *lingua franca* в этом регионе играет очень большую роль. Я уже не говорю о близости законодательства – наш менталитет, правосознание и действующее законодательство, материальное законодательство, очень близки. Поэтому в целом тут данный фактор может сыграть очень большую роль. Опять же, ТПП могла бы сосредоточиться на том, чтобы превратиться в такой нейтральный центр, чтобы, например, спор между белорусами и казахами рассматривался в Москве; притянуть к себе споры российско-иностранные тоже неплохо, потому что у нас арбитраж опытный в этом плане. И вот тогда речь идет о нейтральном месте. Сейчас у нас там пять участников в ЕАЭС: Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения. Но ТПП в этом плане, к сожалению, неактивна.

Так что, может быть, данное направление и будет расширяться, если нормально работать. В этом смысле стать таким центром реально, и, самое главное, есть соответствующие объективные предпосылки. Но повторю: с этим надо много работать. Посмотрите на тот же Стокгольм. Он ежегодно проводит семинары в странах СНГ, т.е. работает сейчас на нашем поле – и в Грузии, и в Казахстане, и в Киргизии, я уже не говорю о Белоруссии, Украине: они постоянно организуют там свои мероприятия. Естественно, людям, у которых возникает вопрос, а где решать споры, конечно, в первую очередь придет на ум Стокгольм. Так вот, нам нужно сесть на эту лошадку и постоянно, постоянно работать в том смысле, чтобы такие нейтральные споры, – как правило, нейтральные, а может быть, спор и российско-иностранный – шли тоже к нам. Соответственно, сказать, что нас ждет радостное будущее, сейчас однозначно нельзя, потому что в целом экономика не указывает на дальнейшее развитие, расширение в этом направлении.

Я правильно Вас понимаю, Вы думаете, что смысла нет конкурировать на равных с крупными иностранными центрами, а нужно просто найти свою нишу и правильно себя позиционировать в ней?

Да, именно так я и думаю. Речь идет не о том, чтобы конкурировать с ними, а о том, чтобы набираться опыта, понимаете? В принципе, я об этом говорил и раньше: международный арбитраж подчиняется каким-то единым правилам и стандартам. Но тем не менее он в каждой национальной юрисдикции имеет свои особенности и за счет них раз-

вивается. Соответственно, говорить сейчас о том, что нам имеет смысл конкурировать с *ICC* или с Лондоном, не следует. Надо учитывать это. Надо с открытыми глазами идти на это. Например, в тех случаях, когда мы больше заинтересованы в сделке с иностранным контрагентом, у него и больше возможностей согласовать арбитраж, который, с его точки зрения, будет нейтральным. Или по крайней мере не соглашаться на арбитраж в месте нахождения одной из сторон. В принципе, конечно, тут существуют довольно серьезные различия в практике арбитража, в его проведении, организации между МКАС и Стокгольмом или *LCIA*. Это все равно что сравнивать экономику Соединенных Штатов сейчас и российскую экономику. Это объективно. Да, мы будем стремиться, но что мы можем поставить в Америку? Можем кое-что, но совсем сделать их зависимыми от нас в данном плане у нас пока не получится.

Как Вы думаете, уже с точки зрения преподавания сейчас имела бы смысл, была бы востребована отдельная магистерская программа только по арбитражу, как во многих западных университетах, или все-таки это пока преждевременно?

В принципе, я думал об этом. Более того, мне поступали предложения от некоторых лиц.

Но я в настоящее время не могу сказать, что здесь сложились благоприятные условия, потому что набрать людей, которые заинтересованы только в международном арбитраже, — а это не бесплатно все — будет очень сложно, понимаете? Все-таки международный арбитраж пока еще остается делом достаточно узкого круга специалистов.

Для отдельной магистерской программы в стране предпосылки не сложились?

Да, я думаю, довольно большое количество людей, чтобы сформировать группу в 10 или 15 человек, мы, к сожалению, просто не найдем. Ведь кто будет заинтересован в этом? Будут заинтересованы юристы из юридических компаний, которые хотят или уже занимаются соответствующими делами. Таких компаний — Вы знаете это лучше меня — сейчас очень мало. Если говорить о юристах, которые работают в зарубежных компаниях, международных компаниях или, как их сокращенно называют, *ILF*, то думаю, что они отдадут предпочтение скорее каким-то другим формам. Вы знаете, что *ICC* проводит такие курсы и еще, по-моему, кто-то тоже.

Я не говорю, что нельзя попробовать. Можно попробовать. Но здесь тогда нужно говорить не просто о международном арбитраже, а о международном арбитраже в Российской Федерации, чтобы в данном случае создать интерес и для иностранцев. Кроме того, здесь нужно, чтобы мы могли привлечь прежде всего русскоязычных, потому что вряд ли имеет смысл только на английском языке проводить мероприятия, касающиеся Российской Федерации. Значит, здесь будет не так много таких иностранцев. А из наших, я говорю, пока немного тех, кто был бы заинтересован и тем более был бы готов платить деньги за это. То есть мы еще не стали взрослыми в данном плане, я скажу. Ведь меньше 20 лет прошло с тех пор, как стал развиваться арбитраж. Поэтому едва ли стоит ждать того, что сейчас будет такой интерес. И опять же, если сравнить количество людей, которые занимаются международным арбитражем в России, например, с любой страной западноевропейской, даже с теми, которые считаются центрами, а я уже не говорю про Англию, Францию, Германию, у нас их на порядок меньше. В принципе, попробовать можно было бы. Но в данном случае я хочу сказать, что с финансовой точки зрения это рискованное предприятие, потому что вряд ли оно окупится. Конечно, может быть, есть кто-то, готовый пожертвовать своими деньгами, чтобы устроить это. Надо будет и пре-

подавателям платить, но прежде всего платить за помещения и всякое прочее. Конечно, можно было бы попробовать. В принципе, полезная вещь. И я повторяю, придется конурировать со школами арбитража, той же *ИСС*.

На Ваш взгляд, арбитраж – это сфера услуг или нечто связанное с правосудием, «квазиправосудие»?

Скорее правильно и то, и другое. Отвечать, что это или то, или другое, я бы не стал, потому что во всяком случае арбитраж, если мы посмотрим, является услугой в плане того, что два спорящих человека обращаются к третьему, чтобы он проявил свои знания и рассудил спор между ними. Так это началось. Но, с другой стороны, это связано и с тем, что такие лица ожидают, что решение будет отвечать определенным сложившимся в обществе представлениям о справедливости, что разрешающее их спор третье лицо будет, кроме того, беспристрастным. А данное качество присуще правосудию в широком смысле, в котором создаются условия для того, чтобы все решали свои споры цивилизованным путем. Поэтому здесь и тот, и другой элемент. И нельзя отдавать предпочтение либо коммерческому подходу, либо подходу, связанному с осуществлением социальной функции.

Получается 50/50, причем если понимать правосудие широко, не отождествлять его отправление с деятельностью государственных судов?

Где-то так. Но в некоторых случаях этот баланс, конечно, может меняться, потому что третейский суд дает такую возможность. В том-то и смысл, потому что конструкция государственной юрисдикции жесткая. Здесь очень трудно бывает найти такой подход, который учел бы особенности возникшей ситуации. И третейский суд предоставляет соответствующую возможность, потому что дает арбитру в данном случае большую свободу действий. Надо помнить, что это альтернатива судебному разбирательству. Если бы не было раздельного представления о них, то не было бы вообще смысла иметь такую альтернативу. Потому в данном случае, когда Вы говорите о судебной власти, это именно власть – власть, которая исходит от государства. А третейский суд обладает полномочиями, которыми наделили его спорящие стороны.

Да, но мне кажется, что такая природа арбитража свидетельствует как раз в пользу того, что это все-таки сфера оказания услуг. И это совсем не противоречит тому, что такие услуги должны быть оказаны беспристрастно и качественно, с обеспечением справедливости.

Да, я об этом и говорю, что, конечно, это сфера услуг, но тем не менее их осуществление должно подчиняться определенным представлениям и нормативам, которые устанавливаются и поддерживаются государством. В таком плане можно говорить о том, что и государственный суд оказывает услуги.

Да, в развитых странах как раз и используется такая точка зрения – сервисное государство. Чиновники – слуги народа, оказывают ему услуги.

Правильно. В данном случае в этом и проявляется сходная черта, что и там, и там услуги, но только в одном случае услуги предоставляются государством и более жестко с точки зрения формы. Такой недостаток – негибкость – компенсируется тем, что сторонам дается возможность договориться о более свободном способе, о том, чтобы это касалось людей, а именно, что самое главное, конкретных людей. Осуществление государственных услуг имеет значение не только для спорящих сторон, потому что отсюда складываются и общая практика, и понимание, и толкование законов для всех. А в случае с третей-

ским судом устанавливается мир между двумя конкретными лицами, но с соблюдением тех минимальных стандартов, которые в обществе признаны как необходимые для достижения согласия между спорящими сторонами.

Мне кажется, что в развитых государствах именно из-за того, что природа арбитража реализуется в большей степени, и господствует его концепция как сферы услуг.

Правильно. Я думаю, проблема в том, что у нас в России традиционно «оказание услуг» воспринималось довольно узко и сугубо утилитарно.

У нас все-таки государство пытается без нужды быть везде, в том числе в арбитраже. Чиновники — не слуги народа, а господа, диктующие, как кому жить.

Да, но Вы не будете отрицать, что и здесь, и там, на Западе, есть некоторые элементы, которые говорят о некоей близости, о родстве, пусть отдаленном, этой формы с государственной, потому что арбитражный центр называют «court» и речь идет о «jurisdiction» — юрисдикции арбитража. Вы никуда не денетесь от того, чтобы не воспользоваться реально сложившимся словарем, таким механизмом. Хотя я согласен и считаю, что это, безусловно, вид оказания услуг. Просто в данном случае такие услуги должны оказываться с учетом тех представлений, которые общество связывает со справедливостью. Возьмем слово «justice»: в данном случае его можно переводить и как «справедливость», и как «отправление правосудия» в широком смысле.

Кстати, что Вы думаете по поводу недавней идеи, появившейся в Верховном Суде, о том, что отсутствие государственной регистрации дополнительного соглашения к договору аренды недвижимости влечет незаключенность этого соглашения, а если в нем имеется арбитражное соглашение, то и оно также оказывается незаключенным (дело № А40-209731/2014)?

Здесь, по сути, нарушается подход, основанный на автономности арбитражного соглашения, потому что арбитражное соглашение в данном случае продолжает оставаться, его не надо регистрировать. Арбитражное соглашение дает начало процессу, в котором как раз и может быть рассмотрен вопрос, а кто несет материальные последствия из-за того, что договор не был зарегистрирован (или, например, не была получена лицензия применительно к нему). Третейский суд и будет решать вопросы о юридической силе такого договора. Это, по-моему, типичный пример случая, когда работает принцип автономии арбитражного соглашения.

А Верховный Суд решил рассуждать иначе. Вот, смотрите, его единственный довод: «Поскольку в настоящем случае о факте предъявления предпринимателем дополнительного соглашения третейскому суду в качестве основания для подачи иска заявителю было известно на стадии третейского разбирательства, отсутствие заявления о том, что третейский суд не обладал компетенцией, в начале третейского разбирательства и дальнейшее бездействие заявителя в процедуре третейского разбирательства не может рассматриваться, исходя из обстоятельств конкретного правоотношения и при отсутствии доводов по существу спора, как добросовестное процессуальное поведение и влечет за собой утрату права на возражение (эстоппель) в государственном суде».

Что же, это может быть дополнительным аргументом, но никак не единственным. Верховный Суд тут неправ. Опять же, этот подход находится в русле недоверия к арбитражу, которое никак из судов не уходит.

Как Вы думаете, как все-таки бороться с ошибками государственных судей, с несуразностями, предубеждением в отношении арбитража? Только распространяя данные, предлагая наилучшие примеры, убеждая? Или как-то иначе?

Вы назвали основные возможные варианты воздействовать на них. Главное — это образование и информация. Начать надо с того, что в институтах, на юридических факультетах, все-таки должна быть базовая дисциплина, спецдисциплина, хоть какая-то соответствующая подготовка. Если мы будем выпускать юристов, которые будут владеть достаточно хорошо всеми такими вещами, то они в судебных процессах, в арбитражных процессах смогут реализовать свои знания. И тогда это будет воздействовать и на арбитров, и на судей. Правильно Вы сказали, но тут понадобится время.

Государственные судьи в отставке, может быть?

И судьи в отставке тут могут помочь. Но тут есть две стороны, потому что эти судьи могут привнести консерватизм, привычки, которые они ранее усвоили. Но все-таки, будучи судьями, они способны правильно применять и иной метод работы. Главное — это, конечно, образование, публикации, естественно. Понимаете, речь идет о чем? О том, что у нас еще не создалась критическая масса — количество, которое переходит в новое качество. Количество людей, количество практики — пока этого еще мало для того, чтобы совершить такой качественный переход, для того, чтобы это все работало более эффективно. Если мы вспомним Лондонские принципы, там на четвертом месте стоит образование. Надо менять менталитет.

Я помню, что одна из конференций *ИССА* называлась «Арбитражная культура» и касалась вопросов ее развития. У нас пока говорить о том, что арбитражная культура серьезно присутствует среди практикующих юристов, нет оснований. Я бы больше сказал: арбитражная культура или культура арбитража является производной от общей правовой культуры. А тут у нас тоже много чем еще надо заниматься — общей правовой культурой, в том числе и воспитанием правосознания, т.е. осмысленного и ответственного отношения к праву. Отношение к праву, его восприятие у нас пока еще не такое, на котором основано то, что действует в международной практике. Можно, конечно, навязать какие-то вещи, но данный процесс, с моей точки зрения, должен развиваться снизу. Это должно вырабатываться практикой и образованием. Здесь, конечно, нужна интенсивная работа, надо начать с того, чтобы в вузах была дисциплина, посвященная арбитражу. Я уверен, к сожалению, что на сегодняшний день есть еще достаточно много российских юристов, которые Вам не скажут, чем отличается государственный арбитражный суд от международного, не говоря уже о тех деталях, которые наполняют понятие «международный арбитраж». Еще слишком далеко — здесь понадобятся годы. Годы не сидения и ожидания, а каких-то активных действий.

Вы, кстати, за то, чтобы арбитражем охватывались споры не только частноправовые?

Я думаю, что в принципе любые споры могут охватываться арбитражным соглашением. В данном случае имеет значение не столько характер отношений между сторонами, сколько то, каким образом возникло арбитражное соглашение. Если оно возникло добровольно, т.е. обеими сторонами было выражено согласие с этим и не было никаких пороков воли, то в принципе любой спор на основе такого соглашения может рассматриваться в арбитражном суде.

Это касается и государства, и контролируемых им лиц. Почему, например, существует межгосударственный арбитраж при наличии в нем публичного элемента? Есть же арбитраж между государствами? Есть. И здесь никого не смущает, что оба участника — это су-

верены и присутствуют публичные интересы. Почему сейчас главный аргумент против того, чтобы с участием государства рассматривались споры в арбитраже, — это то, что тем самым затрагиваются публично-правовые моменты? Здесь ведь речь идет не о том, что, например, арбитражное решение может повлиять на государство, будет касаться его финансов. Смысл-то не в этом. Государство имеет право заключить соглашение об арбитраже и таким образом быть подчинено решениям арбитров. Поэтому в развитых юрисдикциях споры, например, по налоговым вопросам между налоговым органом и налогоплательщиком по соглашению могут передаваться в арбитраж. С другой стороны, есть соображения транспарентности (прозрачности), когда вовлечены в спор общественные средства и затрагиваются деньги налогоплательщиков; конечно, в этом плане можно сказать, что да, здесь можно обеспечить нечто такое, что коммерческий арбитраж не дает, в частности транспарентность. Поэтому, если есть необходимость в ней и без нее не обойдешься, в данном случае можно сказать, что коммерческого арбитража по определению не должно быть. Хотя я думаю, что даже и здесь такой арбитраж может иметь место, если стороны дополнительно договорятся об отсутствии конфиденциальности — о транспарентности.

Но, само собой, здесь многое связано с политикой в области права, с определением легитимности арбитража. Если государство объявляет арбитрабельными только частно-правовые споры, это говорит не о том, что иные споры неарбитрабельны, а о степени доверия государства к арбитражу, к обществу, к людям.

Как Вы думаете, в нынешних условиях в России институт чрезвычайного арбитра имеет перспективу или он, может быть, был бы даже опасен, чреват?

Если исходить из того, что компетенция чрезвычайного арбитра ограничена только принятием мер, которые, как правило, обеспечивают в дальнейшем нормальное рассмотрение обеспечительных мер, то, конечно же, я думаю, что это не помешает. Опять же, надо сторонам дать возможность решать самим, нужно им это или нет.

А если стороны не договорятся о кандидатуре и им назначат того, кто может оказаться не вполне подходящим?

Дело в том, что практика нашего арбитража, я думаю, еще не достигла того уровня, когда чрезвычайного арбитра следует назначать.

Я думаю, что возможность использования конкретного арбитра в этой ситуации должна определяться по соглашению сторон. Предусмотреть возможность назначения арбитра для всех случаев будет, я думаю, нерационально и может привести к злоупотреблениям, учитывая уровень нашей арбитражной культуры, уровень правовой культуры в целом.

Александр Сергеевич, теперь про Нью-Йоркскую конвенцию: в этом году ей 60 лет. Вы думаете, надо в ней что-нибудь менять?

В принципе, объективно говоря, есть моменты, которые следовало бы урегулировать в Нью-Йоркской конвенции, потому что за 60 лет многое изменилось, но здесь проблема в другом. На сегодняшний день данная Конвенция охватывает более 150 стран. И хотите Вы этого или нет, существует все-таки единообразный режим. И принятие новой конвенции повлечет за собой создание дополнительного режима, усложнит во многих случаях ее применение. Хотя я знаю, что Альберт Ян ван ден Берг (Albert Jan van den Berg) уже давно, еще когда отмечали 50-летие Конвенции, предложил конкретные положения, которые могли бы быть внесены. Они рациональные, полезные, но я еще раз повторяю, что проблема заключается в том, как это все потом будет вступать в силу. Ведь здесь все-таки много

лет понадобилось, чтобы создать более или менее единообразный режим. Поэтому он сам тоже высказывал мнение, что, конечно, надо очень хорошо подумать, потому что наличие двух режимов нежелательно. Может быть, это будет короткий период, и большинство стран, которые предпочтут новый вариант, быстро все сделают. То есть нужно соглашение на уровне международного публичного права. А этого достичь очень сложно. Так что на сегодняшний день все-таки считается (я слышал, читал об этом), что будет больше вреда, чем пользы, если заняться этим, потому что уже давным-давно рассматривали вопросы актуальные, чтобы заняться таким делом. И там предлагались и эти вопросы. Но изменения в Нью-Йоркской конвенции большинством не одобрялись. Считается, что пусть лучше все останется как есть. Я помню, тогда сформировалось мнение: «Don't touch it!» Смысл в том, что если что-нибудь работает, то зачем еще что-то менять? Хотя все осознают, что проблема есть. И я думаю, что главное в том, что касается Нью-Йоркской конвенции, — обеспечить единообразие применения. Для этого сейчас делается очень много. Вы знаете, что ICCA выпустил такое руководство для судей. Кроме того, Секретариат ЮНСИТРАЛ выпустил Руководство по применению Нью-Йоркской конвенции под редакцией Гайара и Берманна. Сейчас, я считаю, главное — добиться единообразия применения, потому что это будет реальный вклад в успешное продвижение Конвенции.

Вспомним изменения, касающиеся формы арбитражного соглашения; Вы знаете, что ст. II устанавливает как раз такую форму. Когда рассматривался вопрос об изменении в этой части Типового закона, естественно, возник вопрос в связи с тем, что он предусматривал практически то же, но немного шире, чем написано в Нью-Йоркской конвенции. Тогда посчитали необходимым все-таки принять особое заявление, где было рекомендовано судам, которые будут применять Нью-Йоркскую конвенцию в части, связанной с формой арбитражного соглашения, считать, что это положение не исчерпывает всех возможностей, которые могут использоваться для формулирования арбитражного соглашения. И соответствующим примером является новая редакция Типового закона ЮНСИТРАЛ. Тогда ломали голову над этим и согласились, что вносить изменения в Конвенцию нереально, и, соответственно, пришли к тому, что ЮНСИТРАЛ должна сделать заявление, обращенное к судам, чтобы они учитывали, применяя Конвенцию, имели в виду, что указанные в ней способы заключения арбитражного соглашения не являются исчерпывающими. Там данные требования сформулированы очень лаконично: это либо письменный документ, либо обмен письмами или телеграммами. И все.

Может быть, странный, некорректный вопрос, но пофантазируем: если бы Вам пришлось выбирать, — повторю, пришлось — Вы бы что оставили для России — Нью-Йоркскую конвенцию или Венскую конвенцию о договорах международной купли-продажи товаров, с которой часто ассоциируется тот же МКАС? Разные сферы абсолютно, но тем не менее?

Здесь как в анекдоте: какая разница между роялем и умывальником? Есть разница: один черный, а другой белый. Здесь я бы не стал отдавать предпочтение — просто отказался бы от того, чтобы принимать такое решение. Я бы сказал, что это некорректно и нужно отказаться от подобной постановки вопроса.

Это как дилемма: «Кого ты больше любишь — папу или маму?»

Правильно. Так что это вопрос, не имеющий под собой основания.

Я задал этот вопрос лишь по той причине, что, когда в 2014 г. арбитражи *ad hoc* в Гааге вынесли решения, обязавшие Россию выплатить свыше 50 млрд долл. бывшим акционерам

ЮКОСа, в некоторых маргинальных политических кругах звучали кулуарные соображения о том, что Нью-Йоркскую конвенцию надо денонсировать. Опять же в связи с ЮКОСом уже в Совете Федерации чуть ли не официально охотно обсуждали идею отказа от Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Сейчас вот объявлено, что зреет идея выхода РФ из Совета Европы. Как Вы думаете, есть риск того, что Россия откажется от участия в Нью-Йоркской конвенции? Она ведь несет в себе риски для государства, в отличие от Венской конвенции.

Нет, я думаю, что до этого не дойдет. Хотя были заявления, к сожалению, от лиц, занимающих достаточно высокое положение, о том, что мы не должны быть связаны международными договорами и для нас главное — наш собственный интерес. Вы помните, это заявил несколько лет назад председатель Следственного комитета.

Да, для многих товарищей во власти это популярная тема.

Суть такая: говорили, что американцы не соблюдают международные договоры, они руководствуются собственными интересами, так что давайте и мы, мол, тоже не будем исполнять такие соглашения, если это противоречит нашим интересам.

Я, честно говоря, надеюсь, что все-таки до этого не дойдет, чтобы так напрямую заявить, что мы не будем соблюдать, нет. Хватает того, что мы до сих пор не ратифицировали и уже едва ли ратифицируем Вашингтонскую конвенцию. Хотя она была подписана от имени Правительства России еще в 1992 г. Уже больше 25 лет прошло.

Я думаю, что в нынешней ситуации шансов на ратификацию нет.

Ее, в принципе, сейчас бы уже и не подписали, это очень трудно представить.

Но от уже действующих договоров не откажутся. Тогда все рухнет; это как в 17-м году отказаться от всех договоров. То есть должна быть своего рода революция.

А если кратко охарактеризовать Нью-Йоркскую конвенцию, ее значение для российской системы права, то как бы Вы это сделали? Очень коротко.

Это источник, который в определенной степени формирует наше национальное право в соответствующей отрасли. Более того, в свое время мы принимали участие в ее разработке и были одним из первых государств, которые ее ратифицировали. Приверженность этой Конвенции — объективная необходимость, я бы так сказал. Если мы хотим быть частью международного сообщества и того, чтобы с нами имели дело другие государства, мы должны следовать ей.

Тогда последние вопросы. Что бы Вы порекомендовали начинающему юристу, желающему заниматься арбитражем? Что ему делать, какие шаги предпринять, какие действия?

Прежде всего изучать действующие нормативные акты и практику. Проявлять активность, участвуя в различного рода мероприятиях на первых порах, на которых обсуждают соответствующие вопросы, например в семинарах, каких-то мероприятиях учебного плана. Начинать с этого, чтобы познавать. Но для того, чтобы каким-то образом завоевать положение, место, роль свою в данной области, нужно публично выступать, публиковать статьи, чтобы знали люди о том, что вы являетесь специалистом и на вас можно положиться.

Но еще раз напоследок я бы сказал — я тоже много думал об этом: что делает арбитра арбитром? И я прихожу к выводу, что это не исключительно профессиональные знания, а прежде всего знание жизни, реальное восприятие действительности. То есть жизненный опыт — не столько профессиональный, без которого, конечно, тоже не обойдешься, сколь-

ко именно жизненный опыт, т.е. способность понять, подняться выше формальной какой-то вещи. Я уже говорил, что арбитраж тем и ценен, что он дает возможность арбитру быть гибким и учесть те ситуации, которые закон упускает: он не в состоянии все охватить. Вот это человеческое, что ли, отношение должно присутствовать обязательно. Я еще раз говорю: чем дальше я иду, тем больше убеждаюсь в этом. Начиная с того, как вы общаетесь с коллегами, если вы, например, входите в состав арбитров. Мне приходилось участвовать в таких составах, где действительно требовалось усилие для того, чтобы наладить контакт прежде всего с арбитром, который был назначен другой стороной. Я уже не говорю о том, что к нам, российским юристам, часто предвзято относятся до сих пор. Еще можно вспомнить, что когда уже речь идет о финальной стадии, когда вы обсуждаете решение и вдруг видите — а это часто бывало, — что двое не столько по соображениям логическим или профессиональным, а именно из-за предвзятости... Тут важно проявить и терпение, и находчивость чисто по-человечески, опять же, установить прямой контакт и быть в состоянии донести свою позицию, чтобы вас поняли, чтобы вы могли добиться того, с чем вы согласны. Ну а если уж не получается, по крайней мере есть особое мнение. Я повторяю, что убеждаюсь все больше и больше, что здесь очень важным моментом, особенно когда речь идет о крупных арбитражах, в которых действительно очень большие задействованы интересы, оказываются чисто человеческие отношения. Демонстрировать превосходство в знаниях, цитировать кого-то, какие-то концепции бывает недостаточно, наоборот, даже вредит. Гораздо важнее установить внутренний контакт, чтобы состав арбитражный в идеале был един, един в понимании этого дела — именно так. То есть стать арбитром можно не только благодаря тому, что вы знаете, изучили все, но и все-таки благодаря пониманию действительности во всем ее многообразии. Такому не учат в университете — нужно готовить себя к этому, самостоятельно формировать соответствующим образом в процессе своей жизни.

Кстати, в бизнес-литературе есть два вида книжек: одни можно назвать «К успеху через компромисс», а другие — «К успеху через конфликт». А как Вы думаете, в арбитраже какой вариант?

Я думаю, что оба ущербны, неполноценны. Я в этом смысле больше ценю интуицию. Мне кажется, что часто надо ее использовать, полагаться на нее. А ведь это в том числе предполагает, что событие или ситуация уже достаточно хорошо продуманы. Но в итоге все-таки стоит прислушаться к внутреннему голосу.

Раз на раз не приходится: когда-то компромисс, а когда-то конфликт?

Да, да. Третейский суд, арбитраж дает возможность арбитру предпринимать шаги и принимать решения, в которых он больше отвечает сам перед собой. Ведь если речь идет по существу, его никто не может опровергнуть, обжаловать его решение. Это осознание, что он принимает окончательное решение, является определяющим.

Вы упомянули про предвзятое отношение к российским арбитрам. Как Вы думаете, у них какие-нибудь шансы на успех за границей есть, или такие времена уже прошли?

К сожалению, я думаю, только у тех, кто находится в контакте с иностранцами, кто показал себя как опытный, знающий специалист; в таком случае будет иметь значение не национальность, а профессиональные качества. Поэтому здесь можно предположить, что только человек, у которого есть выход на зарубежные круги, опять же, в результате того, что он выступает, показывает себя и говорит о своей точке зрения, аргументированно высказывает ее или пишет статьи на профессиональные темы, имеет такие шансы. Надо себя показать.

Общее правило «встречают по одежке – провожают по уму»?

Да, да, потому что здесь по-другому и быть не может. Я просто вспоминаю, как шел к этому. Первое дело международное у меня было в 1981 г. Это было в Стокгольме – необычное такое дело. Хотя я знал до того все теоретически, тем не менее было довольно сложно, и, может быть, даже неудобны были некоторые вещи. У меня, я помню, болела голова даже от напряжения, когда я думал, как сформулировать свою позицию и представить ее своим коллегам-арбитрам. Здесь надо было быть в определенной степени дипломатом. И, что самое главное, не надо было раскрывать себя полностью – заранее не обзоруживать себя, не выкладывать все сразу.

Впрочем, довольно часто мне приходит мысль, что арбитрами не становятся, а рождаются. Может, это и так.

Обладание врожденной интуицией.

И интуицией в том числе. Вы знаете, часто успешные бизнесмены вообще высшего образования никакого не имеют.

Многие были троечниками.

Ну да. Так что все эти книги о технологии бизнеса очень относительны, потому что человек сам выбирает это.

И, кстати, здесь система моральных ценностей тоже, естественно, играет очень большую роль.

Как здорово, что Вы об этом сказали, про мораль. Сейчас такие времена, что вот смотришь на многие фигуры, которые ранее казались приличными, но предпочли лицемерие и трусость, и думаешь: «Что такое?»

Знаете, это сейчас такая для всех сложная и болезненная тема, что давайте подождем.

Безусловно, Александр Сергеевич, время покажет все еще ярче. Спасибо Вам за это интервью!